

Фоменко Владимир Александрович**Fomenko Vladimir Aleksandrovich**

кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник
сектора древней истории и археологии
Института гуманитарных исследований – филиала
Кабардино-Балкарского научного центра
Российской академии наук

PhD in History, Associate Professor,
Senior Research Fellow, Ancient History
and Archeology Sector,
Institute for the Humanities Research,
Kabardino-Balkarian Scientific Center of
the Russian Academy of Sciences

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВОСТОЧНЫХ АДЫГОВ (КАБАРДИНЦЕВ) XV – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В. В ОТРАЖЕНИИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПРАКТИК

ETHNIC HISTORY OF EASTERN ADYGHE PEOPLE (KABARDIANS) OF THE 15TH – THE FIRST THIRD OF THE 19TH CENTURIES REFLECTED IN FUNERARY PRACTICES

Аннотация:

Работа посвящена общей характеристике восточноадыгского (кабардинского) субэтнуса в период от позднего Средневековья до 20-х гг. XIX в. В статье кратко рассмотрены памятники старокабардинской культуры, развивавшейся в Предкавказье в XV – первой трети XIX в. Предложена общая схема периодизации развития культуры. Кратко описана динамика границ распространения восточноадыгского субэтнуса. Обобщенно характеризуется погребальный обряд курганных и бескурганых могильников. Говорится о местном варианте языческих традиций, а также о влиянии христианства и ислама. Прослежены черты социального неравенства. Трансформация старокабардинской культуры в современную кабардинскую начинается в конце XVII в. В это время появляются мусульманские некрополи с каменными мавзолеями и надгробиями. Автор приходит к выводу о единой линии развития восточноадыгского (кабардинского) субэтнуса в XV – первой трети XIX в. В течение этого периода в основном языческая старокабардинская культура постепенно эволюционирует в современную кабардинскую культуру с сильными исламскими чертами.

Ключевые слова:

Северный Кавказ, XV – первая треть XIX в., старокабардинская культура, периодизация развития, распространение восточноадыгского субэтнуса, погребальный обряд, курганные могильники, бескурганые могильники, язычество, влияние христианства и ислама, мусульманские некрополи, каменные мавзолеи, надгробные плиты, кабардинская культура XIX в.

Summary:

The study provides a general description of the Eastern Adyghe (Kabardian) sub-ethnic group in the period from the late Middle Ages until the 1920s. The author elaborates on the monuments of the Old Kabardian culture that have been developed in Ciscaucasia in the 15th – the first third of the 19th centuries. The periods of cultural development are distinguished. The dynamics of settling the territory by Eastern Adyghe sub-ethnic group is demonstrated. The tradition of burying the dead in burial mounds and ground cemeteries is generalized. The author notes the local version of pagan traditions as well as the influence of Christianity and Islam. The signs of social inequality are revealed as well. In the late 17th century, the Old Kabardian culture started to transform into the modern Kabardian culture. At that time, the first Muslim necropolises with stone mausoleums and tombstones were constructed. The author concluded that the Eastern Adyghe (Kabardian) sub-ethnic group followed a single path of development in the 15th – the first third of the 19th centuries. During this period, the Old Kabardian culture gradually evolved into a modern Kabardian culture characterized by prevailing Islamic traits.

Keywords:

Northern Caucasus, the 15th – the first third of the 19th centuries, Old Kabardian culture, periods of development, distribution of the Eastern Adyghe sub-ethnic group, funeral rite, burial mounds, ground cemeteries, paganism, influence of Christianity and Islam, Muslim necropolises, stone mausoleums, tombstones, Kabardian culture of the 19th century.

В работе приводится общая характеристика восточноадыгского (кабардинского) субэтнуса [1] XV – первой трети XIX в. с использованием материалов, накопленных отечественной археологией. Результаты археологических исследований сопоставляются с данными других исторических источников для наиболее полной реконструкции прошлого кабардинского народа. Важность этой работы состоит прежде всего в том, что значительные археологические материалы слабо мобилизуются для конкретизации адыгской истории. Данные археологии чаще всего осмысливаются поверхностно. В историографии обособленно существуют представления о современных кабардинцах, историческом кабардинском этносе [2] XVI–XIX вв., о средневековых и древних адыгских этносах, оставивших след в истории (черкесы, касоги, зихи, меоты, каски, хатты), а также о нескольких археологических культурах (майкопская, дольменная, меотская, белореченская и др.). Причем древние и средневековые племена, народы и культуры связываются с современными восточными адыгами очень условно и осторожно. В научных работах обычно речь идет о довольно абстрактных предках адыгов, а не о самих адыгах, живших в средние века

и в древности. Задача данной работы – показать и дополнительно аргументировать непосредственную связь и преемственность археологических культур и отдельных типов памятников XV–XVIII вв. с историческим кабардинским этносом XIX в.

Хронологические рамки исследования определены двумя историческими вехами. К концу XV в. значительная часть адыгского массива из Закубанья переходит в Центральное Предкавказье. Перемещение это, видимо, связано с османским завоеванием Восточного побережья Черного моря. В то время в Закубанье угасает белореченская археологическая культура. Практически одновременно в Верхнем Прикубанье, Пятигорье и Притеречье появляются курганы старокабардинской культуры [3], формирование которой началось еще в Закубанье в XIII–XV вв. [4]. Верхняя хронологическая граница нашего исследования определена второй половиной 20-х гг. XIX в. – временем формирования линии казачьих станиц на реках Кубани, Куме, Подкумке и Малке [5]. Этот фактический рубеж Российской империи окончательно отделил западных адыгов от восточных (кабардинцев). Тогда же образовались территориальные границы последнего из названных субэтносов, близкие к современным.

В развитии кабардинского субэтноса XV – первой трети XIX в. можно условно обозначить три основных периода.

I. Началом периода можно считать массовое переселение адыгов в центральные районы Северного Кавказа и образование Кабарды. Этот процесс связывается большинством современных исследователей с интенсивным распространением курганов на восток, но датируется по-разному: начало XIV в. [6], рубеж XIV–XV вв. [7], конец XV в. [8]. Однако есть основания предполагать, что в предгорных и горных районах Верхней Кубани, Пятигорья и Притеречья с древних времен до XIII–XV вв. проживало значительное по численности автохтонное адыгоязычное население, в том числе и адыги, входившие в состав Алании (аланского союза племен). Старокабардинская культура с преобладающим курганным обрядом погребения стала лишь одним из последних этапов формирования кабардинского субэтноса. В состав этой культуры вошли верхнекубанская и центральнокавказская основа и поздний импульс закубанского населения, возводившего курганы над могилами [9]. Косвенным подтверждением данной гипотезы может служить вполне сложившийся (в целом однообразный) вид старокабардинской культуры в XV–XVII вв., т. е. на протяжении всего первого периода.

II. Второй этап развития кабардинского субэтноса – это период перехода старокабардинской культуры в собственно кабардинскую культуру. Он начался в конце XVII в. и продолжался в XVIII в. В это время появляются мусульманские некрополи с каменными мавзолеями и надгробиями. Курганный, т. е. языческий в своей основе, погребальный обряд постепенно переходит в исламский, свойственный для собственно кабардинской культуры, в том числе и современной. Однако сооружение небольших каменно-земляных курганных насыпей над могилами продолжалось и в XIX в. [10].

III. Третий этап этнокультурного развития связан с драматическими событиями Кавказской войны. Влияние военных действий было значительным уже в последней четверти XVIII в., но особенно усилилось и отразилось на миграционных процессах и демографии кабардинцев в первой трети XIX в. [11].

Важным показателем состояния восточноадыгского субэтноса является динамика его территориальных границ. Старокабардинская культура в XV–XVII вв. занимала значительную часть Предкавказья от Верхнего Прикубанья до запада современной Чечни [12].

Турецкий путешественник Э. Челеби писал, что для защиты от вторжений калмыков в Кабарду князь Мисост-бей построил в XVII в. крепость Шадкерман (Хажикала) у слияния Кубани и Малого Зеленчука [13]. В начале 60-х гг. XVIII в. кабардинский князь Темрюк-Хаджи Атажукин усилил крепость Хажикала и построил боевую башню Адиух [14]. Эта башня входила в оборонительно-сигнальную систему каменных башен в верховьях Кубани и на ее притоках.

Наиболее восточным районом, где зафиксированы старокабардинские курганы, являются долины рек Сунжи и Фортанги [15]. В плотно заселенной долине Сунжи известно около 25 курганных некрополей XV–XVII вв., сохранились многие адыгские топонимы. Важнейший торговый путь, проходивший в восточном Придарьялье, ингуши называли *Чергси некъ* – Черкесская (т. е. адыгская. – В. Ф.) дорога [16]. В центральных и восточных районах Чечни, а также на территории современного Дагестана старокабардинские курганы не выявлены. Однако по данным письменных источников известно, что в конце XVI – первой трети XVIII в. кабардинцы жили в низовьях Терека [17]. К концу XVII в. так называемая Идарова Кабарда (Идарей), занимавшая часть среднего и нижнее Притеречье, пришла в упадок [18] и восточной периферией восточноадыгского субэтноса становится Малая Кабарда (нынешний Терский район Кабардино-Балкарии, а также часть территории современных Северной Осетии и Ингушетии).

Северной границей своих владений кабардинские князья считали реку Томузловку. В описании проекта строительства Азово-Моздокской линии (1777 г.) говорится: «Река Томузлов имеет хорошую и здоровую воду, а на вершинах оной имеются темные и множеством зверей наполненные леса. Черкесы Большой Кабарды содержат по сей реке свои табуны» [19].

Построенные с XVI по XVIII в. каменные башни и оборонительные башенные поселки в горных местностях Затеречья можно считать южной границей (периферией жизненного пространства) кабардинского этноса XVI–XVIII вв. и ареала старокабардинской культуры. Усиленное возведение фортификационных сооружений зависимыми от Кабарды горскими народами совпадает по времени с утверждением господства кабардинских князей в регионе [20].

Могильники старокабардинской культуры чаще всего представляют собой скопления (по-кабардински дословно *Іуащхъэ бын* – ‘семья курганов’) 20–30 невысоких насыпей. Некоторые памятники состоят из нескольких десятков и даже сотен курганов. Эти крупные могильники часто называют *кхъузанэкхъэ* (дословно – ‘могила-сито’).

Старокабардинские курганные кладбища обычно располагались на пологих возвышенностях и, вероятно, отмечали собой земли, заселенные адыгами. Нередко *Іуащхъэ бын* находятся (или находились) в важных военно-стратегических проходах и вдоль торгово-обменных путей (например, у входа в Баксанское ущелье близ селения Заюково, а также у Эльхотовских ворот [21] – у старинной дороги в Закавказье).

Погребальный обряд старокабардинской культуры конца XV – XVII в. внешне однообразен и стабилен. Преобладают подкурганные одиночные захоронения в грунтовых ямах. Очень часто фиксируются остатки деревянных колод или гробов из досок. Труположения вытянутые головой на запад. Инвентарь, как правило, не богат. В мужских могилах обычны находки предметов вооружения (чаще сабель).

Исследователями выделены некоторые локальные различия в памятниках старокабардинской культуры [22], наличие которых вполне объяснимо большой территорией распространения и длительностью исторического развития. В памятниках Пятигорья и Притеречья изредка встречаются небольшие вкрапления элементов белореченских древностей.

Рядом с курганными могильниками исследованы и бескурганные слабо датируемые погребения в грунтовых ямах и в каменных ящиках [23]. Высказано предположение о синхронности этих памятников.

В целом можно сказать, что старокабардинские кладбища Верхнего Прикубанья, Пятигорья и Притеречья (*Іуащхъэ бын* и *кхъузанэкхъэ*) – это памятники языческой культуры. Однако в них вполне отчетливо видно влияние христианских и исламских традиций. Этот сплав конфессиональных черт в погребальном обряде и инвентаре (вытянутое положение умерших головой на запад, бытование амулетниц и т. д.) прослеживается еще в белореченских и старокабардинских памятниках Закубанья XIV–XV вв.

Археологические данные подтверждаются и другими историческими источниками. Так, некоторые особенности религиозного синкретизма кабардинцев известны из формулы отречения от «черкасской веры», составленной в середине XVI в. для новой жены Ивана IV – кабардинской княжны Марии Темрюковны (Гошаней), а также части ее родственников и придворных. Религиозные практики, упоминаемые в формуле отречения, позволяют говорить о «черкасской вере» как о народной вере синкретического типа. В этой религии сохранялся «основной древний субстрат языческих обрядов и идей» при наличии адаптированных элементов христианства и ислама [24].

В памятниках старокабардинской культуры прослеживаются черты социального неравенства. Однако значение важнейшего социально-рангового признака (наличие и размеры курганной насыпи) в XV–XVIII вв. постепенно нивелируется. Крупные и высокие насыпи над могилами военной элиты в старокабардинской курганной традиции пока неизвестны. В группах *Іуащхъэ бын* курганы обычно находятся вокруг центральной (или главной) насыпи, высотой до 1,5 м. Высота остальных (рядовых) курганов часто составляет от 0,2 до 0,7 м. В подавляющем большинстве исследованных насыпей небогатый погребальный инвентарь пока не позволяет сделать четких и однозначных выводов о социально-ранговой структуре старокабардинского общества. Топология курганных групп (*Іуащхъэ бын* и *кхъузанэкхъэ*) дает возможность предполагать, что взаимное расположение погребений отражает фамилно-родовую структуру [25] и учитывает внутренние социально-имущественные различия.

Исследованные и введенные на сегодняшний день в широкий научный оборот курганные кладбища старокабардинской культуры, на наш взгляд, не полностью отражают социально-ранговую структуру восточноадыгского феодального общества XV–XVIII вв. Из других исторических источников известно, что эта структура была довольно сложной [26]. Еще Л.И. Лавров подчеркивал, что ускоренное развитие феодальных отношений у кабардинцев связано с переселением их

на просторы Центрального Предкавказья и открывшейся для кабардинской верхушки возможностью расширить скотоводство и другие отрасли производящего хозяйства [27].

Трансформация старокабардинской культуры в собственно кабардинскую в погребальных практиках проявляется как переход от курганного, т. е. языческого, похоронного обряда к исламскому, т. е. современному. Влияние исламских традиций отчетливо прослеживается еще в языческом погребальном обряде адыгов в XIV–XV вв. В некоторых старокабардинских захоронениях XV–XVII вв. оно также фиксируется [28]. Данные археологии подтверждают сведения письменных источников о том, что переход к исламу в Кабарде был процессом достаточно длительным и бесповоротно проявился в конце XVII в. В это время в Кабарде начали устраиваться мусульманские кладбища с каменными мавзолеями, «загородками» (*чэщанэ*) и надгробиями-стелами сыныжь ('старый памятник') [29]. Арабские надписи, собранные и обобщенные Л.И. Лавровым, позволили датировать строительство мавзолеев в кабардинских землях концом XVII – XVIII в. [30]. Курганный обряд погребения отмирает у восточных адыгов на протяжении XVIII в. Это столетие можно считать финальным для эволюции старокабардинской культуры. Однако есть данные о том, что традиция возводить небольшие каменно-земляные насыпи над погребениями сохранялась здесь до конца XIX в. [31]. Интересно, что в 1895 г. во время экспедиции графа Евгения Зичи на кладбище селения Дударуково [32] (*Kabard temetb̄ Dubaruk faluban*) рядом с курганами зафиксированы мусульманские каменные надгробия – *сыныжь* [33].

Мусульманские памятники в Кабарде также имеют различия в хронологии. Наиболее престижная разновидность намогильных памятников – каменные мавзолеи (*чэщанэ* [34]). Они строились, судя по сохранившимся арабским надписям, в конце XVII и XVIII в. для погребения князей и дворян. Каменные «загородки», не имеющие в отличие от мавзолеев перекрытия, являются как бы их упрощенным вариантом. *Чэщанэ*-загородки, также сооружавшиеся при захоронении кабардинской феодальной элиты, видимо, синхронны мавзолеям, а некоторые, возможно, датируются и более поздним временем (XIX в.). Следующая разновидность намогильных памятников (*сыныжь*) также обозначала могилы князей и дворян, но устанавливалась и в начале XX столетия, а также используется как наиболее распространенный тип надгробия и в наши дни. Прекращение в XIX в. строительства каменных мавзолеев и угасание сооружения загородок-*чэщанэ*, скорее всего, связаны с утратой крымско-кабардинских связей и отъездом мастеров-каменщиков на родину в Крым. Ликвидация Крымского ханства [35] прекратила или сильно ослабила влияние крымских исламских центров на население Кабарды. Установка на могилах *сыныжь* – старинных плит-надгробий, вырезанных из туфа или других пород камня, продолжилась, вероятно, благодаря установившимся и окрепшим связям восточных адыгов с религиозными центрами Дагестана и Поволжья.

Следует также сказать, что под московским, крымско-армянским, а затем российским влиянием в Кабарде, особенно на ее периферии и за пределами, сформировались численно небольшие, обособленные этноконфессиональные группы христианского восточноадыгского населения (Черкасские [36], Гаур-Тамбиевы, моздокские кабардинцы и др.), но определяющего влияния на развитие кабардинского субэтнуса они не оказывали.

Таким образом, старокабардинская культура начала формироваться в Закубанье и там приобрела многие характерные черты, в том числе под влиянием белореченской культуры.

Хорошо заметные могильники *луащхэ бын* и *кхъузанэкхэ* остаются основным этнокультурным признаком присутствия восточноадыгского населения на территории значительной части Предкавказья. Однако границы владений кабардинских князей (Большая и Малая Кабарда) были несколько шире, чем ареал распространения старокабардинской культуры. Это четко прослеживается на границах кабардинских феодальных владений (река Томузловка, устье Терека, долина Верхней Кубани, горные долины Притеречья).

Следует сказать о неравномерной изученности памятников восточных адыгов XV – первой трети XIX в. Ученые исследовали в основном заметные и многочисленные курганные группы. Гораздо слабее изучены грунтовые (бескурганные) могильники XV–XVII вв., структура (топология) мусульманских кладбищ конца XVII – первой трети XIX в., остатки старинных поселений и святилищ.

Имеющиеся к настоящему времени материалы позволяют говорить о единой линии развития восточноадыгского (кабардинского) субэтнуса в XV – первой трети XIX в. В течение конца XVII – XVIII в. в основном языческая старокабардинская культура постепенно эволюционирует в современную кабардинскую культуру с сильными исламскими характеристиками.

Важно также отметить, что процессы трансформации кабардинского субэтнуса не завершились в первой трети XIX в. Они продолжались в XIX в. (переселение части адыгского населения на территорию Османской империи, реформа укрупнения аулов и отмена крепостного права в Кабарде). В XX в. события Гражданской войны и политика советской власти также отразились на состоянии субэтнуса кабардинцев. Этнокультурные изменения продолжают и в наше время,

но рамки статьи не позволяют остановиться подробно на процессах этнической истории середины XIX – начала XXI в.

Ссылки и примечания:

1. В наши дни распространено мнение, что адыги (абадзехи, бесленеевцы, бжедуги, кабардинцы, темиргоевцы, черкесы, шапсуги) составляют единый этнос, а кабардинцы, соответственно, являются одним из субэтносов адыгов. См.: Кереев Б.М. Кабардинцы // Энциклопедия культур народов Юга России. Ростов н/Д., 2005. Т. 1. Народы Юга России. С. 110–113.
2. Далее, говоря о кабардинцах, подразумеваем не только собственно кабардинцев и их этнических предков, но и близкородственных верхнекубанских черкесов, говорящих на одном – кабардино-черкесском – языке. См.: Калмыков И.Х. Черкесы // Энциклопедия культур народов Юга России. Т. 1. С. 229–232.
3. Выделение старокабардинской культуры было кратко обосновано нами в книге, изданной в 2002 г. См.: Фоменко В.А. Пятигорье в XV – середине XVIII в. Пятигорск, 2002. С. 6. В последующих работах автора, в том числе в упоминаемых ниже статье 2007 г. и монографии 2016 г., приведена более полная характеристика этой археологической культуры.
4. Фоменко В.А. Древности долины реки Хасаут и другие археологические памятники Северного Кавказа (вопросы культурно-этнической принадлежности). Нальчик, 2016. С. 43–44.
5. Край наш Ставрополье. Очерки истории. Ставрополь, 1999. С. 83–84.
6. Ловпаче Н.Г. Этническая история Западной Черкесии. Майкоп, 1997. С. 130–146.
7. Ртвеладзе Э.В. К вопросу о времени массового переселения кабардинцев в центральные районы Северного Кавказа // III Крупновские чтения. Грозный, 1973. С. 20–21.
8. Аталиков В.М. Наша старина. Нальчик, 1996. С. 87–141.
9. Фоменко В.А. Древности долины ... С. 44.
10. Афаунов А. О местожительстве и потомках Ш.Б. Ногмова // Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1994. С. 187–188 ; Фоменко В.А. Древности долины ... С. 46.
11. Думанов Х.М. Вдали от Родины. Нальчик, 1994. С. 10–11.
12. Нагоев А.Х. Средневековая Кабарда. Нальчик, 2000. Карта.
13. Челеби Э. Книга путешествия. М., 1979. Вып. 2. С. 84.
14. Дневник майора Татарова, веденный в Кабарде в 1761 г. // Указатель географического, статистического, исторического и этнографического материала в «Ставропольских губернских ведомостях». Первое десятилетие (1850–1859 гг.). Тифлис, 1879. С. 198, 204.
15. Багаев М.Х. Кабардинские курганы на р. Фортанге (ЧИ АССР) // Вестник Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик, 1972. Вып. 5. С. 49–50 ; Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М. Бамутский курганный могильник XIV–XVI вв. // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963. С. 217–243.
16. Виноградов В.Б., Шаова С.Д. Кабардинцы и вайнахи на берегах Сунжи. Армавир ; Майкоп, 2003. С. 17–18, 85–86 ; Даутова Р.А. Позднесредневековые курганные могильники и курганы на территории Чечено-Ингушской АССР // Археология и краеведение – вузу и школе. Грозный, 1989. С. 74.
17. Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края (V – середина XIX в.). Ростов н/Д., 1984. С. 43, 78–79.
18. История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. Нальчик, 2007. С. 82–85.
19. Потемкин Г.А. Доклад об учреждении линии от Моздока до Азова // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XX. С. 518. № 14607.
20. Фоменко В.А. Старокабардинская культура: этапы развития и границы распространения // Народы Северного Кавказа и Россия (к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии с Россией) : материалы конференции. Нальчик, 2007. С. 62–63.
21. Кузнецов В.А. Верхний Джулат. К истории золотоордынских городов Северного Кавказа. Нальчик, 2014. С. 120. Рис. 2.
22. Алексеева Е.П. Кабардинские и западночеркесские курганы Карачаево-Черкесии как источник по изучению этнической истории адыгов // Археология и вопросы этнической истории народов Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 145–150 ; Нагоев А.Х. Средневековая Кабарда. Нальчик, 2000. С. 46–48.
23. Мекулов Дж.Х. Тайны древних погребений / отв. ред. К.Г. Шаззо. Майкоп, 1999. С. 23–26 ; Фоменко В.А. Пятигорье в XV – середине XVIII в. С. 17–19.
24. Чумичева О.В. Парадоксы «черкасской веры»: между исламом, христианством и языческими традициями // Археология и этнология Северного Кавказа. 2017. № 7. С. 133–145.
25. Гуськов М.А., Рунич А.П., Нарожный Е.И. Кабардинские курганы Пятигорья // Археология и краеведение Кавминвод. Кисловодск, 1992. С. 42–47 ; Фоменко В.А. Пятигорье в XV – середине XVIII в. С. 19.
26. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967. 331 с.
27. Лавров Л.И. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // Советская этнография. 1956. № 1. С. 28.
28. Березин С.Я., Березин Я.Б., Нарожный Е.И. Позднесредневековые курганы могильника «Иноземцево-1» (Публикация и историческая интерпретация материалов) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2007. Вып. 8. С. 204–205.
29. Фоменко В.А. Древности долины ... С. 46.
30. Лавров Л.И. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик, 2009. С. 257–258.
31. Афаунов А. Указ. соч. С. 187–188 ; Фоменко В.А. Древности долины ... С. 46.
32. Селение, вероятно, располагалось на территории современного Прохладненского района Кабардино-Балкарии.
33. Фоменко В.А. Древности долины ... С. 46.
34. Слово «чэцанэ» в современном кабардинском языке означает башню, но в реальности соотносится с каменными мавзолеями и «загородками». Информация жителя села Атажукино (Баксанский район Кабардино-Балкарии) Гедгафова Хусена Зрамуковича (1929–2018 гг.).
35. Fisher A.W. The Russian Annexation of the Crimea 1772–1783. Cambridge (UK), 2008. 200 p.
36. Bushkovitch P. Princes Cherkasskii or Circassian Murzas. The Kabardians in the Russian Boyar Elite, 1560–1700 // Cahiers du Monde russe. 2004. Vol. 45, no. 1–2. Janvier – juin. P. 9–30. <https://doi.org/10.4000/monderusse.8677>.

References:

- Afaunov, A & Nogmov, ShB (ed.) 1994, 'Concerning the place of residence and descendants of Sh.B. Nogmov', *Istoriya adykhayskogo naroda*, Nalchik, pp. 187-188, (in Russian).
- Alekseeva, EP 1979, 'Kabardian and West Circassian barrows of Karachay-Cherkessia as a source for studying the ethnic history of Adyghe people', *Arkheologiya i voprosy etnicheskoy istorii narodov Severnogo Kavkaza*, Grozny, pp. 145-150, (in Russian).
- Atalikov, VM 1996, *Our old days*, Nalchik, pp. 87-141, (in Russian).
- Bagaev, MKh 1972, 'Kabardian barrows on the Fortanga River (the Chechen-Ingush ASSR)', *Vestnik Kabardino-Balkarskogo NII*, Nalchik, iss. 5, pp. 49-50, (in Russian).
- Berezin, SYa, Berezin, YaB & Narozhny, EI 2007, 'Late medieval barrows of "Inozemtsevo-1" burial mound (Publication and historical interpretation of materials)', *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza*, Armavir, iss. 8, pp. 204-205, (in Russian).
- Bushkovitch, P 2004, 'Princes Cherkasskii or Circassian Murzas. The Kabardians in the Russian Boyar Elite, 1560–1700', *Cahiers du Monde russe*, vol. 45, no. 1–2. Janvier – juin, pp. 9–30. <https://doi.org/10.4000/monderusse.8677>.
- Chelebi, E 1979, *The travel book*, Moscow, Iss. 2, p. 84, (in Russian).
- Chumicheva, OV 2017, 'Paradoxes of "Cherkass faith": between Islam, Christianity and pagan traditions', *Arkheologiya i etnografiya Severnogo Kavkaza*, No. 7, pp. 133-145, (in Russian).
- Dautova, RA 1989, 'Late medieval burial mounds and mounds on the territory of the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic', *Arkheologiya i krayevedeniye – vuzu i shkole*, Grozny, p. 74, (in Russian).
- 'Diary of Major Tatarov kept in Kabarda in 1761' 1879, *Ukazatel' geograficheskogo, statisticheskogo, istoricheskogo i etnograficheskogo materiala v «Stavropol'skikh gubernskikh vedomostyakh»*. *Pervoye desyatletiyeye (1850–1859 gg.)*, Tiflis, pp. 198, 204, (in Russian).
- Dumanov, KhM 1994, *Away from the Motherland*, Nalchik, pp. 10-11, (in Russian).
- Fisher, AW 2008, *The Russian Annexation of the Crimea 1772–1783*, Cambridge (UK), 200 p.
- Fomenko, VA 2002, *Pyatigorye in the 15th – the mid-18th centuries*, Pyatigorsk, pp. 6, 17-19, (in Russian).
- Fomenko, VA 2007, 'Old-Kabardian culture: development stages and distribution limits', *Narody Severnogo Kavkaza i Rossiya (k 450-letiyu soyuza i yedineniya narodov Kabardino-Balkarii, Adygei i Karachayev-Cherkessii s Rossiyey): materialy konferentsii*, Nalchik, pp. 62-63, (in Russian).
- Fomenko, VA 2016, *The antiquities of the Khasaut River valley and other archaeological monuments of the North Caucasus (cultural and ethnic background issues)*, Nalchik, pp. 43-44, 46, (in Russian).
- Gardanov, VK 1967, *The social structure of the Adyghe peoples (the 18th – the first half of the 19 centuries)*, Moscow, 331 p., (in Russian).
- Gritsenko, NP 1984, *The cities of the North-Eastern Caucasus and the productive forces of the region (the 5th – the mid-19th centuries)*, Rostov –on-Don, pp. 43, 78-79, (in Russian).
- Guskov, MA, Runich, AP & Narozhny, EI 1992, 'Kabardian barrows of Pyatigorye', *Arkheologiya i krayevedeniye Kavminvod*, Kislovodsk, pp. 42-47, (in Russian).
- History of the centuries-old commonwealth. To the 450th anniversary of the union and unity of the peoples of Kabardino-Balkaria with Russia 2007*, Nalchik, pp. 82-85, (in Russian).
- Kalmykov, IKh 2005, 'The Circassians', *Entsiklopediya kul'tur narodov Yuga Rossii*, vol. 1, pp. 229-232, (in Russian).
- Kerefov, BM 2005, 'The Kabardians', *Entsiklopediya kul'tur narodov Yuga Rossii*, Rostov-on-Don, vol. 1, pp. 110-113, (in Russian).
- Krupnov, EI & Munchayev, RM 1963, 'Bamut burial mound of the 14th-16th centuries', *Drevnosti Checheno-Ingushetii*, Moscow, pp. 217-243, (in Russian).
- Kuznetsov, VA 2014, *Upper Dzhulat. Background information of the Golden Horde cities in the North Caucasus*, Nalchik, p. 120. Fig. 2, (in Russian).
- Lavrov, LI 1956, 'The origin of the Kabardians and their settlement on the present territory', *Sovetskaya etnografiya*, no. 1, p. 28, (in Russian).
- Lavrov, LI 2009, *Selected works on the culture of the Abazins, Adyghe people, Karachays, Balkarians*, Nalchik, pp. 257-258, (in Russian).
- Lovpache, NG 1997, *Ethnic history of Western Circassia*, Maykop, pp. 130-146, (in Russian).
- Mekulov, DzhKh & Shazzo, KG (ed.) 1999, *Secrets of ancient burials*, Maykop, pp. 23-26, (in Russian).
- Nagoev, AKh 2000b, *Medieval Kabarda*, Nalchik, map, (in Russian).
- Potemkin, GA 1830, 'Report on the establishment of a line from Mozdok to Azov', *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii*, St. Petersburg, vol. XX, p. 518, No. 14607, (in Russian).
- Rtveladze, EV 1973, 'Concerning the period of mass resettlement of the Kabardians to the central regions of the North Caucasus', *III Krupnovskiy chteniye*, Grozny, pp. 20-21, (in Russian).
- Stavropol is our region. Historical essays 1999*, Stavropol, pp. 83-84, (in Russian).
- Vinogradov, VB & Shaova, SD 2003, *The Kabardians and Vainakhs on the Sunzha River banks*, Armavir, Maykop, pp. 17-18, 85-86, (in Russian).